

Владислав **КРАПИВИН**

ВОЗВРАЩЕНИЕ КЛИПЕРА «КРЕЧЕТ»

Летящие сказки

Владислав Крапивин

Возвращение клипера «Кречет»

«наследники Крапивина»

1983

Крапивин В. П.

Возвращение клипера «Кречет» / В. П. Крапивин — «наследники Крапивина», 1983 — (Летающие сказки)

Увлекательная повесть о приключениях Владика Орешкина. Жизнь этого мальчика, который дружит с обаятельным корабельным гномом Гошей и капризным хрустальным барабанщиком Тилькой, полна удивительных событий...

© Крапивин В. П., 1983

© наследники Крапивина, 1983

Содержание

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ	5
1	5
2	11
3	15
4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Владислав Крапивин

Возвращение клипера «Кречет»

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ДОЖДЬ В ПРИМОРСКОМ ГОРОДЕ

1

Корабельный гном Гоша проснулся от шума. От плеска и визга. Словно снаружи, за бортами, разгулялось море, хлещет в пробоину вода и перепуганно визжат в трюме судовые крысы.

Но качки не ощущалось. Никакой. Гоша открыл глаза и вздохнул. Над головой был потолок с облупившейся штукатуркой. Пасмурно светилась застекленная дверца балкона. За стеклом, исхлестанным струями дождя, проносились тени. Гоша знал, что это летят низкие штормовые облака, похожие на клочья пакли, которой конопатят щели в корабельной обшивке.

Дверца дрожала от ударов ветра, стекло дзенькало, дождь плескался на балконе. Флюгер будто взбесился. Его ржавый визг был слышен не только в башенке, но, наверно, на всех трех этажах старинного здания библиотеки. А может быть, и в подвальном книгохранилище, где жил библиотечный гном Рептилий.

«Не снесло бы мою квартиру...» – лениво подумал Гоша. Зевнул и потянулся.

...В башенке, на библиотеке, Гоша поселился весной. Неожиданно для самого себя. До этого он много лет обитал в трюме шхуны «Кефаль». Шхуна была одряхлевшая, списанная. Около четверти века она стояла в Мелкой гавани, у дальнего причала, рядом со складом корабельных фонарей и канатов.

Портовое начальство не знало, что с «Кефалью» делать. Деревянную шхуну на металл не разрежешь. Ломать на дрова? Работы много, а кому нужны гнилые обломки?

Но вот появились на шхуне плотники. Ломать и разбирать «Кефаль» они не стали. Наоборот, начали приводить ее в порядок. Поставили новый двойной штурвал, украсили корму накладным узором, укрепили на верхней палубе точеные перильца.

Снова в плавание? Гоша засомневался. Чтобы выяснить обстановку, он выбрался на берег и навел на сторожа Никодимыча, который всегда все знал.

– Так что меняй квартиру, Гоша, – сказал Никодимыч. – «Кефаль» твою в кино снимать готовят. Отведут ее в Песчаную бухту, и будет она там изображать пиратское судно в abordaжном бою. По всем правилам. А в конце картины загорится она и взорвется на воздух... Такая наша жизнь морская-отставная...

Гоша обиженно заковылял в Отдел корабельных гномов, который помещался в подвале Главной Пароходной Конторы. Там Гоше предложили на выбор несколько мест: буксирный катер «Норд-ост», рейдовый танкер «Отважный» и даже большой рудовоз «Калуга», который ходил за границу.

Гоша отказался. Он привык жить на парусниках и не любил запаха нефти и железа. Гоше объяснили, что парусных судов сейчас мало, да и те почти все железные. Из деревянных осталась только баркентина «Омар», но там, конечно, место занято.

Гоша сердито засопел: мало того, что его чуть не поджарили на «Кефали», так еще и волокиту устраивают! Тогда Гоше вежливо намекнули, что возраст у него преклонный. Может, пора оформить пенсию и начать береговую жизнь?

Ну что же! Раз он никому не нужен – пожалуйста! С пенсионным удостоверением Гоша отправился в сухопутную контору «Домгном» (в котельной на углу Таганрогской и Якорной). Моложавая гномиха с подкрашенными губами и веками стала недовольно листать пыльные конторские книги, чтобы подыскать новому пенсионеру береговое жилье. Ничего подходящего не было. В старые котельные Гоша не хотел, боялся, что в них пахнет ржавыми трубами и угольной пылью. В подвал под кирпичным кинотеатром «Парус» он тоже не пошел: туда наверняка просачивалась вода, а от пресной влаги у корабельных гномов бывает жестокий ревматизм. Гномиха сказала:

- Вам не угодить! Что же мне, на крыше вас поселить?
- Почему бы и нет? – раздраженно отозвался Гоша.
- Вы что, серьезно? Вы же не чердачный гном!
- Это уж мое дело, – хмуро сказал Гоша.

Гномиха пожала плечами. Она не знала, что у Гоши возвышенная душа. А он еще в давние времена любил простор и звезды. По ночам в открытом океане Гоша украдкой от вахтенных забирался на верхнюю площадку мачты – салинг – и смотрел на созвездия. Они медленно качались над клотиком. А парусник мчался среди темных шипучих волн. Далеко внизу смутно светились пенные гребешки, а за кормой – как отражение Млечного Пути – вспыхивал фосфором бурунный след...

Давно это было... Но это было! Сохранилось в Гошиной душе. И теперь он решил: уж коли стал береговым жителем, то почему бы не поселиться поближе к облакам и звездам?

Гоша получил ордер на новую жилплощадь, но в город сразу не пошел. Он робел. Гномы по своей натуре большие нелюдимы. Гоша знал, что на него будут оглядываться, и заранее ужасно стеснялся. Глухими переулками он опять побрел к Мелкой гавани.

– Надо же попрощаться со старыми местами, – пробормотал он, чтобы оправдаться перед самим собой.

«Кефали» у пирса уже не было. Гоша присел на свой матросский сундучок, в котором таскал нехитрые пожитки. В заброшенной гавани стояла тишина, по опустевшему причалу прыгали деловитые воробьи. На глухой воде плавали апельсиновые корки и обрывки газет. Припекало майское солнышко. Гоша подпер могучими ладонями растрепанную бороду и пробормотал:

#

На берегу затихшей бухты

Сидишь ты, дом свой потеряв...

Гоша любил сочинять стихи. В хорошие минуты стихи прибавляли ему радости, а в грустные – утешали. Сейчас была, безусловно, грустная минута.

Нельзя сказать, что Гоша очень печалился о «Кефали», были в его жизни корабли в тысячу раз лучше. А эта шхуна, гнилая и лишенная парусов, столько времени торчала на одном месте, у распатанного причала! Но все же здесь Гоша был при деле: следил, чтобы не очень дырявилась обшивка, чтобы не набиралась в трюм вода, с крысами воевал. А теперь он кто? Сухопутный пенсионер...

– Уже не выйдешь ты в моря... – пробормотал Гоша новую стихотворную строчку. Он и так давным-давно не ходил в моря, но строчка показалась ему удачной. Она годилась для конца четверостишия. Однако необходимо было придумать еще одну – с рифмой для слова «бухты».

На этой рифме Гоша застрял. Он дергал бороду, колотил себя мясистой ладонью по загривку (так, что вязаный колпачок съехал на нос), однако ничего подходящего выколотить не мог.

Наконец он решил передохнуть и огляделся.

И очень смутился.

Потому что в пяти шагах стоял незнакомый человек.

Гоша растерялся и съежился на сундучке. Но спрятаться было негде. Тогда Гоша решил рассердиться на себя: почему он должен прятаться? Это его, можно сказать, родная гавань, он столько лет здесь прожил!

Да и человек был, кажется, безобидный. Ростом чуть побольше Гоши.

Гоша знал, что люди не сразу становятся большими, они растут постепенно. И этот неожиданный гость был явно человеческий детеныш. Из тех, кого называют мальчиками. Гоша видел таких и раньше. Иногда они пробирались на «Кефаль», бегали по палубе и даже лазили на мачты. Гоша следил за ними сквозь щели в палубных досках. Опасливо, но с любопытством. И бывал даже раздосадован, когда Никодимыч кричал из дверей склада:

– Опять вы тут! Я вот отрежу от каната линек да энтим линьком вас! А ну брысь, штрафная команда!

Гоша не понимал, зачем их прогонять. Они были немного шумные, но забавные и ловкие. Интересно смотреть. Правда, иногда Гоша боялся: не случилось бы чего с человеческими малышами. Очень уж они незащищенные какие-то – шуплые, с тонкими шеями, совсем непохожие на матросов и боцманов, с которыми Гоша был когда-то знаком...

Неожиданный гость казался похожим на всех других мальчиков. Было у него только одно отличие: на лице перед глазами блестели круглые стекла (причем одно треснувшее). Гоша знал, что это такое: некоторые гномы к старости обзаводились очками. Но на мальчике очки Гоша видел впервые.

Светло-коричневые мальчишкины глаза смотрели через стекла удивленно и вопросительно.

– Дяденька! – сказал мальчик звонким, как у всех невыросших людей, голосом. – Вы не знаете, куда подевалась шхуна «Кефаль»?

Гоша заерзал от смущения. Не привык он разговаривать с людьми. Даже с моряками на кораблях, где он раньше жил, Гоша беседовал редко. А в последние годы он лишь изредка обменивался парой слов с Никодимычем.

Но мальчик ждал ответа, не уходил. Гоша еще поерзал и сипло сказал:

– Это самое... увели ее. Для кино... Чтобы сгорела.

Потом он вздохнул, не столько жалея «Кефаль», сколько радуясь, что кончил длинную речь.

Мальчик тоже вздохнул:

– Жалко... Она так хорошо в воде отражалась, я хотел сфотографировать.

На плече у мальчика висел на тонком ремешке кожаный футляр. Мальчик вдруг шагнул поближе, посмотрел внимательно. Гоша стеснительно засопел круглым и пористым, как апельсин, носом. Потупился. Мальчик сочувственно спросил:

– А вы с этой шхуны, да?

– Угу, – выдавил Гоша и зашевелил пальцами на громадных босых ступнях. Мальчик сказал уважительно:

– Значит, вы старый моряк с парусного судна. Правда?

Гномы не любят врать. А молчать было невежливо. И Гоша выдавил еще одну длинную фразу:

– В некотором смысле... Это самое... Я корабельный гном.

– Уй-я! – радостно сказал мальчик. Очки его, перемотанные синей изоляцией, перекошились. В глазах за стеклами засияли восторг и праздничное удивление. И не было ни капельки недоверия.

Теперь пора объяснить, кто же такие корабельные гномы.

Про обычных гномов знают все. О них написаны сказки и даже есть кино. Эти гномы обитают в лесах и пещерах, они ведают подземными чудесами. Многие слышали про домашних гномов. Их называют попросту домовыми. Домовые живут в старых избах и зданиях, следят

за уютом, дружат с мышами, иногда заводят вместо забывчивых хозяев часы, кормят в аквариумах рыбок и в клетках щеглов и канареек. Порой они любят попутать жильцов, но делают это шутя, потому что характеры у них добродушные.

Бывают и другие гномы: мельничные, вагонные, водопроводные (на старых водокачках) и даже стадионные – они водятся под трибунами.

Но нас интересуют корабельные гномы.

Их племя появилось, как только люди стали строить корабли. Эти гномы селились в трюмах. Они следили, чтобы в кораблях не было гнили и течи, чтобы крысы не портили грузы, чтобы не случилось внутри судна пожара. Очень часто гномы спасали корабли от неминуемой гибели, когда люди и не догадывались об опасности.

Но постепенно парусники и уютные колесные пароходы исчезли с морей. На новых лайнерах, танкерах и сухогрузах гномы приживались с трудом. Там, среди всякой техники, электроники и сигнальных систем, нечего им было делать. Кое-кто, правда, приспособился, но большинство осело на берегу. А некоторые доживали век на последних парусниках и стареньких портовых буксирах.

Несколько лет назад в журнале «Морская жизнь» была напечатана статья «История корабельных гномов – легенды и действительность». Судя по всему, автор статьи сам был корабельным гномом. Довольно образованным. Но точно это не известно: вместо подписи стояли буквы А. А.

Статья вызвала большой интерес, ее перепечатали в нескольких газетах, в том числе и в «Вечерних Приморских новостях». Однако вскоре в газете «Наука и быт» появилась другая статья. Житель Приморского города профессор Чайнозаварский утверждал, что ни корабельных, ни других гномов на свете быть не может, потому что так не бывает. Это во-первых. Во-вторых, их не может быть потому, что про них никогда не упоминалось в его, профессора Чайнозаварского, книгах. В-третьих, если бы гномы и были, их следовало бы немедленно запретить, потому что они противоречат школьным программам по природоведению и физике.

Гномов, конечно, не запретили. Но пенсию после этой статьи на всякий случай убавили, а контору «Гномдом» перевели из просторного подвала в старую котельную...

Но мальчик наверняка не читал статью профессора Чайнозаварского. Поэтому он пове-рил Гоше немедленно. И обрадовался:

– Как замечательно...

Сияя глазами, он обошел вокруг Гоши. Потом, кажется, понял, что это невежливо, и торопливо сказал:

– Ой, простите, пожалуйста...

– Ничего, ничего, – пробормотал Гоша. – Вы мне совсем не мешаете. – Он уже не так сильно стеснялся.

– А можно я вас сниму?

– Откуда? – испугался Гоша.

– Да ниоткуда! Просто сфотографирую аппаратом.

– Я... это самое... не знаю. – Гошу никогда раньше не снимали аппаратом. – А что со мной будет?

– Да ничего! Сидите как сидели, я быстро.

Он откинул на коричневом футляре крышку, нацелился на Гошу выпуклым, словно у подзорной трубы, стеклом. Щелкнул кнопкой. Весело объяснил:

– Мне этот аппарат вчера подарили, в день рождения. «Зенит-3М». Мне вчера десять лет как раз было... А вам сколько лет?

– А... это самое... По одним документам триста четырнадцать, а по другим триста шестнадцать...

– Уй-я! – опять обрадовался мальчик. – Тогда я вас еще раз сниму, ладно?

– Если вам нравится...

– Конечно, нравится! Я хочу альбом с морскими снимками сделать... Ой, а пленка-то кончилась! Я сейчас перезаряжу.

Мальчик сел спиной к Гоше, свесил с пирса ноги, положил на колени аппарат. Что-то начал делать с ним, быстро двигая поцарапанными локтями. Он был в тельняшке с подвернутыми рукавами, такой же, как у Гоши, – полинялой и заштопанной. Только у Гоши она широкая и до пят, а у мальчика – тесная и коротенькая: сзади выбилась из-под ремешка и видно тощенькую спину с острым бугорком позвонка.

Гоша вздохнул: какие они все-таки хрупкие, эти еще не выросшие люди...

Голова у мальчика была пушистая, как осенняя маковка белоцвета с летучими семенами. И на тоненькой шее тоже был пух – как на птенце чайки.

Мальчик весело оглянулся на Гошу. Гоша смущенно закашлялся. Но... мальчик был славный и теперь уже немножко знакомый, и Гоша так осмелел, что подумал: «А может, попросить его о помощи?» Помощь была нужна. Иначе незаконченные стихи не дадут покоя, Гоша знал это по долгому опыту.

– Это самое... Я хочу спросить... – начал Гоша и опять зашевелил пальцами на ступнях. – Не знаете ли вы случайно рифму к слову «бухты»?

– Ух ты! – весело сказал мальчик.

– Что? Простите...

– Рифма такая. «Бухты – ух ты!»

– А... да... – Гоша взволнованно поднялся и зашлепал вокруг сундучка, вцепившись в клочковатую бороду. – Да... но... Видите ли, стихи у меня сочиняются печальные, а эта рифма... Она, понимаете ли, слишком такая... бодрая. Извините...

Мальчик отложил аппарат, вскинул ноги и повернулся к Гоше, крутнувшись на месте. Помолчал, потерся подбородком о коленку и сказал виновато:

– Не знаю тогда... Какая-то чепуха в голову лезет. «Лопух ты... петух ты...»

– В самом деле... Хотя... – Гоша сунул в рот левый мизинец и начал его сосредоточенно обсасывать. – Минуточку... А если...

#

На берегу затихшей бухты

Сидишь ты, дом свой потеряв.

Не пыжься, как молодой петух, ты:

Тебе не выйти уж в моря...

Гоша сообразил, что прочитал стихи вслух. Это с ним произошло впервые в жизни. Гоша испуганно посмотрел на мальчика.

– Ничего. Складно получилось, – сказал мальчик. – Только вот это слово «младой»... Какое-то старинное.

– Д-да? – отозвался Гоша и замигал длинными, как растопыренные пальцы, ресницами. – Но... мне кажется, это делает стихи более поэтичными... Нет?

– Может быть, – поспешно согласился мальчик. Он, видимо, понял, что Гоша болезненно воспринимает критику. И сменил разговор: – А вы, значит, по правде остались без жилья? Как же теперь быть?

– Да вот... дали какую-то бумажку с адресом... – Гоша, кряхтя, вытащил из сундучка ордер. Мальчик вытянул к ордеру тоненькую шею.

– Ой, да это же на библиотеке, я знаю!.. Хотите, я вас провожу? Только еще один снимок сделаю, ладно?

Сейчас тот майский снимок висел у Гоши над столом. Рядом с потертой штурманской картой Средиземного моря, под старыми корабельными часами (часы не шли, но придавали

комнате в башне морской вид). Гоша с удовольствием посмотрел на свой портрет и с неудовольствием в окошко. Потом плюхнулся с койки на пол и стал делать зарядку.

Наклон вперед, приседание, руки над головой. Еще выше! От усердия Гошины ладони поднимались почти к потолку. Такое у гномов свойство: руки у них длиннющие, свисают почти до пола, а при желании можно их вытянуть еще вдвое.

С ногами у гномов обстоит хуже. Туловище Гоши напоминало метровый обрубок мачты, к нижней части которого были приклепнута большущие ступни, вот и все. С людской точки зрения, Гоша выглядел, мягко говоря, странно. Однако среди гномов он считался в молодости симпатичным. Да и сейчас был недурен. Глаза у него остались молодыми. А точнее, даже младенческими – чистыми и добрыми. Правда, кое-кто мог бы их сравнить с глазами теленка, но что из того? Приглядитесь, и вы увидите, какие красивые бывают у телят глаза...

Гоша еще раз посмотрел на свою фотографию, намотал на себя кусок полиэтиленовой пленки и выбрался на балкон. Бр-р-р, эта пресная вода! Дождь хлестал по балкону, по соседним крышам, по всему городу. По каменным плитам тротуаров, по асфальту дороги неслись ручьи. В них, как лодочки, мчались сорванные с веток листья. Ветер гнул акации и платаны и мешал прохожим: одних слишком торопил, другим не давал идти. Задирал на них блестящие разноцветные плащи, вырывал зонтики...

Из-за угла показался большой красно-желтый зонт. Будто ветер унес из ближнего сквера клумбу и тащил ее вдоль улицы. Кто-то не давал тащить клумбу, упирался. Сверху видны были только загорелые ноги в синих носочках и раскисших сандалетах. Дождь косо лупил по ногам, и они блестели, будто покрытые свежим мебельным лаком.

Гоша перегнулся через перила (дождь звонко захлестал по пленке). Зонт был незнакомый, сандалеты – не разберешь какие. Но было что-то знакомое в том, как они упирались, как упрямо цеплялись за щели в каменных плитах.

– Эй, Владик!

2

У четвероклассника Владика Арешкина было прекрасное настроение. По шаткой деревянной лесенке внутри дома (не по парадной, конечно, а по запасной) Владик весело допрыгал до башенки. Свернутый зонт он отряхнул еще внизу – помнил, что Гоша не любит пресную воду (даже умывается соленой, специально разбалтывает соль в ведерке).

Когда Владик показался в дверях, Гоша заохал:

– Это что же делается! Кто это отпускает ребенка совсем раздетого по такой погоде! Ты же схватишь ревматизм и пневмонию! Осень на дворе!

Владик снисходительно улыбнулся. У южного моря осени в сентябре не бывает. Юго-западные ветры не приносят холодов. Они бывают плотные, сильные и хлещут, будто мокрыми полотенцами. Но вода, в которую обмакнули эти полотенца, вовсе не холодная. Ветер такой, будто распахнули дверь из ванной комнаты. И струи дождя совсем теплые – даром на пустырях выбираются под эти струи серые маленькие лягушки (они живут на суше под прохладными пористыми камнями)...

Все это Владик и объяснил Гоше.

Но Гоша ворчливо сказал:

– Ты же не пресноводная лягушка. Для мальчика вредно столько несоленой сырости.

– У меня зонт!

– Зонт! А рубашка вся мокрая. А ноги-то... Ай-яй-яй!

Гоша единым махом усадил Владика на постель. Сдернул с него сандалии и носки, жарко дыхнул ему на ноги – будто открыли газовую духовку. Потом стал отогревать Владыкины ступни в ладонях – громадных и мягких.

Владик хихикал от щекотки, но не спорил. Он протирал подошмой рубашки очки.

Гоша накинул Владику на ноги край колючего флотского одеяла, включил на тумбочке электроплитку, пристроил над ней в сушилке для посуды его носки и сандаlette.

– Все равно не успеют высохнуть, – сказал Владик. – Мне скоро в школу.

– До школы еще целый час... Ты почему так рано из дому отправился?

– Как почему? Чтобы к тебе забежать. Я же знал, что флюгер тебя рано разбудит.

Гоша вздохнул и поднял глаза к потолку.

– Чертова скрипучка... Сколько раз писал заявления домоуправу, чтобы смазал, а он отвечает: масла нет и лезть на верхотуру некому... Бюрократ сухопутный.

– Гоша... А у меня в газете снимок напечатали, – тихо сказал Владик.

– Что-о?

– Правда! – Владик прыгнул с койки, достал из сумки и развернул перед Гошиным носом «Пионерскую правду».

Снимок назывался «Опять не взяли». На нем были мальчик-дошкольник и лопоухий щенок. Они сидели на бетонном пирсе, прижимаясь друг другу. Видно было их со спины, но всякий мог понять, что и малышу, и щенку очень грустно. А от берега уходила парусная шлюпка с мальчишками.

Гоша смотрел на снимок долго и внимательно.

– Да-а... – наконец сказал он. – Художественная фотография. Такая... чувствительная. Ты молодец. Ты теперь знаменитость на всю страну...

– Ну что ты, Гоша... – пробормотал Владик, и уши у него потеплели от удовольствия.

– Конечно... А я вот посылаю, посылаю свои стихи в журналы, а никто не печатает. Отвечают, что надо еще учиться и больше читать известных поэтов. А я, между прочим, уже сто семьдесят лет стихи сочиняю...

– Хорошие у тебя стихи, – утешил Владик. – А там, в журналах, сидят, наверно, бюрократы вроде здешнего домоуправа.

– Да нет, я сам виноват, – горестно сказал Гоша и дернул себя за бороду.

– Ты, главное, не унывай, ты работай. Вот напишешь поэму о «Кречете», её-то уж обязательно напечатают.

– Да, «Кречет» – моя последняя надежда, – оживился Гоша. – Я стараюсь... А если не получится?

– У тебя получится, – бодро перебил Владик. – Вон как у тебя здорово:

#

...И южные звезды пылали, как свечи.

И дул равномерный пассат.

Летел по волнам замечательный «Кречет»,

Расправивши все паруса!

– Да, это у меня ничего, – скромно согласился Гоша и слегка порозовел. И взволнованно зашлепал из угла в угол. – А вчера я еще придумал. Послушай...

#

На старости лет мне утешиться нечем:

Живу я на твердой земле...

Но только я вспомню свой клипер,

свой «Кречет»,

И сразу же жить веселей...

Ну как, а?

– Вроде неплохо, – сказал Владик. – По-моему, удачно получилось. Только...

– Что? – ревниво спросил Гоша.

– Вот это... «Сразу ж-же ж-жить...» Слишком много жужжания в строчке.

– А? Ну, это я переделаю, это пустяки... Владик... Ты придумал бы мне еще парочку рифм для «Кречета», а? Я уже все израсходовал. Понимаешь, мне надо для последних строчек. Такое что-то неожиданное и... прочувствованное. И чтобы смысл... Ну, ты понимаешь...

Владик вздохнул украдкой и сказал:

– Ладно, постараюсь. – Он опять устроился на Гошиной койке.

Гоша почтительно притих. Ветер и дождь шумели за окном, флюгер все визжал. Минуты шли. Рифма не придумывалась. На старинный корабельный фонарь, висевший рядом с балконной дверцей, села муха. Владик отклеил от колена квадратик размокшего пластыря, скатал в шарик, бросил в муху. Она перелетела на обшарпанный штурвал, который стоял в углу. Потом села на спасательный круг с надписью: «ПБ-29».

Следя за мухой, Владик оглядел всю Гошину комнату. Она ему очень нравилась. Гоша с помощью Никодимыча набрал в старой гавани и притащил сюда много корабельного имущества. Комната была похожа то ли на каюту, то ли на крошечный морской музей.

В эту комнатку Владик прибегал очень часто. С Гошей было интересно. Особенно по вечерам, когда на плитке булькал чайник, за окошком висел уютный месяц, а Гоша рассказывал про плавания и приключения.

Больше всего он рассказывал про трехмачтовый клипер «Кречет», на котором дважды ходил в кругосветное плавание. Это было учебное судно, на нем курсанты проходили долгую практику. Курсанты назывались «гардемарины». А командовал клипером «Флота Капитан Аполлон Филиппович Гущин-Безбородько».

– Мы с ним... это самое... друзья были, – вздыхал Гоша. – Помер он, потом уже, на пенсии, когда «Кречет» на дрова разобрали по старости... Я и до «Кречета», и после него на всяких парусниках жил, но лучше клипера ничего не было...

Кроме разговоров о кораблях Гоша любил шахматы. Любить-то любил, но играл так себе, хуже Владика. Проигрыши Гоша переживал в суровом и мужественном молчании. Владик жалел его, поэтому иногда поддавался. И Гоша очень радовался...

Владик не знал, что Гоша радуется не шахматным победам. Гоша замечал, что Владик ему поддается, и радовался именно этому: так прекрасно, когда у тебя добрый и великодушный друг.

Кроме Владика, друзей у Гоши не было. Правда, иногда заходил на чаек библиотечный гном Рептилий Казимирович, но ни дружбы, ни просто приятельских отношений у них не получилось. Очень уж разные они были гномы. Гоша робел перед образованным Рептилием и ни разу не решился прочитать ему свои стихи.

А Владика Гоша не стеснялся. Тем более что Владик его стихи всегда хвалил, а если и делал замечания, то очень осторожно.

В общем, Владик был замечательный. Гошина отрада. Оттого, что Владик есть, в Гоше сидело счастье – постоянное, как магнитное поле в судовом компасе. Но к этому счастью иногда примешивался страх: не случилось бы чего-нибудь. Очень уж хрупкий, беззащитный какой-то этот человеческий ребенок.

При таких мыслях Гоша нервно открывал табакерку и нюхал ядовитый табак – смесь тертого манильского троса и листьев южноазиатской травы, которая называется «папоротник ада».

...Сейчас Гоша опять поглядывал на Владика с тревогой. Сидит такое существо: голова – одуванчик с очками, шея – как у птенца, а весу в нем – как в летучей рыбке. Много ли такому надо, чтобы заболеть от пресной воды?

Гоша покачал колпачком с кисточкой и взял с полки табакерку. Владик знал, что табакерка выточена из куска бимса – палубной балки от «Кречета». Гоша насыпал на сустав указательного пальца щепотку желтой пыли и втянул ее поочередно обеими ноздрями. Потом начал краснеть и раздуваться.

Владик зажмурился и заткнул уши. От Гошиного чиха всегда выгибались наружу стены башенки, а флюгер начинал вертеться и визжать даже при полном штиле...

– А-а-а... а-апчхи-бум-трах!!

Воздушной волной Владика передвинуло на койке. Сушилка с сандалетами улетела к двери. Сломанные часы задребезжали и целую минуту тикали, как новые.

– Ну вот, все рифмы из головы совсем повывлетали, – со скрытым облегчением сказал Владик. – Теперь ничего не получится. Не раньше чем к вечеру что-нибудь придумаю...

– Ну, можно и к вечеру, – согласился Гоша. – Только, Владик... ты это самое... когда придумаешь, другим не говори, ладно? А то поэты всякие бывают, услышат и сунут мою рифму в свои стихи. А я опять ни с чем...

– Ни единому человеку не скажу, – пообещал Владик.

Гоша снова посмотрел на него как на летучую рыбку. И улыбнулся:

– Ну, почему ни единому. Надежному-то можно. Если он... это самое... скажем, твой хороший друг. – Гоша был не ревнив. Он понимал, что кроме него у Владика могут быть друзья.

Владик вздохнул:

– А у меня таких хороших, как ты, больше нет.

– Да ну уж, – пробормотал Гоша и начал внутри таять, как медуза на солнышке. – Как это нет? А ребята?

– Ребята... – печально сказал Владик – С Витькой я за партой за одной целых два года сидел, а недавно он меня предал.

– Как это? – ахнул Гоша.

– Я с физкультуры сбежал, пошел на берег дырчатый камень «куриный бог» поискать да на крабов посмотреть. А этот... бывший друг... потом на классном часе взял да про меня

выступил. Я, говорит, не хочу, чтоб Арешкин стал прогульщиком, и обязан принципиально сказать всю правду, потому что это и есть настоящая дружба... Я теперь со Светкой Матюхиной сижу.

– Ай-яй-яй, – сказал Гоша и дернул бороду. – Как это грустно. Я тебя понимаю.

– Хорошо, что понимаешь! – обрадовался Владик. – А то даже мама не понимает. Говорит, что этот Витька принципиальный, а я ужасно несерьезный.

– Но ты же очень серьезный!

– Не знаю... Мама считает, что нет. В кружок рисования ходить не стал, в музыкальной школе год проучился – бросил... Мама говорит: «Я тебе все прощу, но музыкальную школу – никогда».

– Ай-яй-яй... Но ведь простила?

– Не совсем... И аппарат не хотела дарить. Сказала папе: «Он и это дело через неделю забросит».

– Но ведь ты не забросил!

– А мама не верила, пока снимок в газете не увидела... Хорошо, что напечатали. И даже фамилию в подписи не перепутали. А то многие думают, что «Орешкин», с буквой О... Ой, Гоша, я побегу, в школу пора!

– Бр-р... Опять под эту пресную воду.

Владик засмеялся:

– А мне нравится.

3

Конечно, как все люди, Владик любил солнечную погоду. Но такие вот шумные дожди (если они нечасто) он тоже любил.

Прилетающий со штормом дождь промывает город. Улицы делаются гулкими, просторными и блестящими. Пасмурное небо только на первый взгляд серое и скучное, а на самом деле у клочковатых облаков разные краски: то пепельные, то синеватые, то с желтоватым проблеском далекого солнца. То бархатисто-лиловые. И мчатся, мчатся эти облака, смешиваются...

Вода струится по тротуарам и ступеням лестниц. Ступени и тротуары из крупной, смешанной с цементом гальки. Ливень смыл с нее серую пыль и как бы заново отшлифовал камешки. Они снова стали разноцветными – как на морском берегу, который заливают волны. Зеленоватые с прожилками, светло-серые, коричневые с пятнышками. А больше всего розовых. Поэтому у ступеней и тротуаров розоватый цвет.

Деревья сверкают чистым зеленым блеском и отражаются в мокрых тротуарных плитах. Белые дома и синие вывески тоже отражаются. И разноцветные плащи прохожих.

Людей на улицах не много. Всяких курортников и отдыхающих, которые ловят у моря бархатный сезон, дождь загнал под крышу. Идут по улицам лишь те, кто по делу. Торопятся на Морской завод рабочие, шагают в порт моряки в черных накидках. Храбро спешат бабушки в блестящих полиэтиленовых капюшонах – им, бабушкам, хоть какая погода, а надо на рынок и в магазины, чтобы в обед накормить внуков.

Бегут и школьники. Кое-кого дома «запечатали» в плотную осеннюю одежду. На таких бедняг Владик смотрит с усмешкой: замучаются от духоты. Но многие, как и он, налегке, с зонтами или накидками. Вон несколько удалых второклассников растянули над собой квадрат красной пленки и топают по лужам – четко, как на параде. Ветер, конечно, рвет из рук пленку, но они держат крепко.

Один второклассник, Андрюшка Лопушков, был знакомый, из Владькиного двора. Он крикнул:

– Владик, привет! Ух какой у тебя зонтик! Тебя унесет!

– Не! – откликнулся Владик.

Но тут же чуть не полетел с ног. Ветер поднажал крепче прежнего и дернул зонт с такой упругой силой, что взметнул его вместе с хозяином на полметра. И потянул вдоль каменного забора.

– Тпр-ру! – закричал Владик, будто лошади. – Куда понесло!

Чтобы справиться с зонтом, он свернул в узкий переулок. Ветер свистел над крышами и заборами, но сюда, в переулок, не залетал.

Здесь стоял звонкий, переливчатый шум. Это лилась из водосточных труб вода, от нее разлетались из луж веселые брызги. Владик пригляделся, а потом присел у одной из луж на корточки. Так и есть! Там, на сверкающей гальке, среди летящих капель и струй, приплясывали крошечные стеклянные музыканты.

Они были ростом с Владькин мизинец...

Многие ничего не знают про стеклянных музыкантов. Потому что не приглядываются к дождю и не слушают его. Но прислушайтесь однажды. У дождей есть своя музыка. Присмотритесь. Может быть, вам повезет и вы заметите среди струй маленьких прозрачных человечков с флейтами, скрипками и барабанами. Это они не дают дождю сделаться грустным и монотонным...

– Эй, Тилька! – Владик протянул руку.

Крошечный хрустальный барабанщик с головой-капелькой прыгнул ему на ладонь. На плече у барабанщика блестела серебряная искорка. По ней Владик и узнавал всегда Тильку.

...Они познакомились в июле, когда Владик разбил новые очки.

Чаще всего мальчишки разбивают колени, локти и нос. Но если на носу сидят очки, то при авариях прежде всего страдают они.

Кое-кто считает, что мальчики в очках – это обязательно примерные отличники, утеха родителей и радость учителей. По крайней мере, именно так утверждал в одной педагогической статье профессор Чайнозаварский. Он даже предлагал сделать очки частью школьной формы – тогда, мол, сразу будут решены все проблемы с дисциплиной и успеваемостью. Но жизнь доказывает, что все гораздо сложнее. Мальчики в очках, так же как и другие, любят скакать, возиться на переменах, играть в индейцев и мушкетеров. Они лазят по деревьям и даже иногда дерутся (и бывают случаи, что при этом колотят мальчиков без очков).

Владик не был отчаянным и задиристым. Но он был мальчиком. И, кроме того, он жил в Приморском городе, где на берегах много скал и крутых тропинок. К середине лета у Владика пострадали уже две пары очков. Пришлось заказать третью.

Эти очки разбились при игре в футбол. Точнее говоря, Владик увидел, что разбилось одно стекло, а второе оказалось залепленным грязью. Играли-то сразу после дождика, от которого раскисла площадка. Чтобы промыть стекло, Владик побрел к водосточной трубе, нагнулся над лужицей. И услышал:

– Что? Динь-дон – и на осколочки?

Владик торопливо прочистил уцелевшее стекло, глянул сквозь него. На половинке кирпича, свесив ножки, сидел прозрачный человечек.

Сперва Владик решил, что это от крепкого удара мячом по голове. Поморгал. Нет, человечек был вот он. Маленький и стеклянный. И голосок у него был стеклянный, как звон крошечных сосулек. Человечек встал, поправил на боку хрустальный барабанчик и деловито прозвенел:

– Беги на Таганрогскую улицу, дом пять. В мастерскую, к стекольному мастеру, скорее! Он тебе очки вмиг починит.

– Ты кто? – изумленно выдохнул Владик.

– Беги, беги! Одна нога – динь, другая – длинь!

Владик подумал, что за третьи разбитые очки будет от мамы такое динь-длиннь, что хоть домой не являйся.

– Только ты меня дождись! – крикнул он малютке барабанщику и припустил на Таганрогскую.

Мастерская оказалась в длинном полуподвале, заставленном бутылками и ящиками со стеклом. Стекольный мастер был похож на старую, растрепанную ворону. С минуту он кричал тонким голосом, какие ужасные пошли дети: только и знают носиться сломя очки. Потом он стремительно вставил в оправу новое стекло.

– А сколько стоит? – осторожно спросил Владик и вспомнил, что у него с собой ни копейки.

– Брысь! – гаркнул мастер. – И скажи этому шалопаю Тильке, что я из-за него не хочу иметь инфаркты. Если он где-нибудь дзинькнется о камни, чинить я его не буду!

Владик помчался назад, к барабанщику Тильке, и они стали друзьями.

В сухие, жаркие дни Тилька пропадал неизвестно где. Но во время теплых дождей они с Владиком часто встречались. Тилька со своим оркестром играл на уличных перекрестках, среди веселых брызг и сверкающих струй.

– Тиль-длиннь-привет! – прозвенел Тилька. – Как дела?

Владик похвалился фотографией в газете.

– З-замечательно, – сказал Тилька со струнным звоном. – А меня ты когда-нибудь дзинькнешь аппаратом?

– Тебя трудно снимать, – объяснил Владик. – Ты совсем прозрачный и незаметный.

– Прозрачный – это конечно, – гордо сказал Тилька. – Но почему же незаметный? Во мне столько всего отражается.

В самом деле! В Тильке, как в чистой капле, отражались деревья, Владик, дом, кусочек неба с облаками. А главное – зонт. От него по Тильке разбегались красные и желтые блики.

– Пожалуй, надо попробовать, – задумчиво сказал Владик. – Когда научусь делать цветные снимки...

Тилька радостно подпрыгнул на ладошке. Желтые и красные огоньки метнулись в нем.

– Вот под этим зонтом и сниму, – решил Владик.

– 3-3-замечательный зонт! – прозвенел Тилька. – Как раз-3-ноцветное небо! Где вз-зял?

– Это мамин. Сперва не хотела давать, говорит: «Иди в плаще. Ты этот зонт поломаешь на ветру, а я его очень люблю». А я говорю: «Но меня-то ведь ты больше любишь. А в плаще я задохнусь, как муха в полиэтиленовом кульке, до школы не дойду...»

– Ты в школу идешь?

– А куда же еще!

– Это, наверно, 3-здорово – каждый день ходить я школу, – заметил Тилька.

– Ну... когда как.

– Я ни разу не был...

– А хочешь?

– Там, наверно, из-зумительно интересно.

– Ну, пойдем со мной, если тебе хочется.

– Да-а... – опасливо сказал маленький Тиль. – А там все начнут меня разглядывать и трогать. И я – дзинь – на звонкие осколки...

– Я тебя никому не покажу, – пообещал Владик. – Будешь сидеть в кармашке, потихоньку глядеть на все и слушать... А тебе не попадет, что ты сбежал из оркестра? У меня папа тоже в оркестре, играет на трубе. Там такая дисциплина...

– Мне нисколько не попадет! – Тилька подпрыгнул на ладошке. – Мы вольные музыканты! Хотим – играем, хотим – гуляем!

– Тогда пошли...

С Тилькой в нагрудном кармане Владик вышел из переулочка на широкий тротуар. Дождь ослабел, в пепельных и сизых облаках появились солнечные разрывы. Зато ветер сделался еще сильнее. Он гнул акации, старался сорвать полотняные тенты над фруктовыми ларьками и мотал железную вывеску часового мастера, на которой был изображен золотой петух.

Владик захлебнулся влажным воздухом. И засмеялся. Ветер волок вдоль улицы груды запахов. Если бы запахи можно было раскрасить, это получился бы удивительно разноцветный ветер. Струи воздуха пахли мокрыми желтыми скалами, коричневым кофе из раскрытых дверей магазинчиков и кафе, золотистыми цветами сурепки, серебряной пылью прибоя, оранжевыми апельсинами с лотков, но больше всего темно-зелеными и бурыми водорослями. Теми, что остаются на набережных после набега штормовых валов. Владик зажмурился, будто охапку таких водорослей кинули ему в лицо... И опять чуть не полетел с ног. Это ветер дернул зонт с удивительной силой.

Владик не упал. Но и на месте удержаться не смог. Он вцепился в изогнутую рукоятку, а зонт поволок его вдоль улицы. Владик не успевал переставлять ноги. Он выгнулся назад, уперся в тротуар сандалиями, но кожаные подошвы заскользили по мокрым плитам. Пятки вспарывали мелкие лужи. Прохожие шарахались и смотрели вслед мальчишке, который мчится под разноцветным парусом, будто на водных лыжах.

Сердитая старушка отпрыгнула в сторону и громко сказала:

– Этому вас учат в школе? Я сообщу вашему директору!

Вовка Соколин и Димка Колобков – Владькины одноклассники – крикнули:

– Ну, Арешкин, ты даешь! – Они побежали следом, но отстали.

Сначала Владик слегка испугался. Но скоро понял, что ничего страшного. Наоборот! Так здорово, когда тебя несет попавший в упряжку ветер!

Потоки воздуха ударились о тротуар, о мостовую и рикошетом уходили в небо. Они тянули зонт не только вперед, но и вверх. Несколько раз Владик пробовал подпрыгнуть. И что же? Он проносился по воздуху четыре или пять метров. А то и больше. Так он пролетел над несколькими широкими лужами.

Потом улица кончилась. Впереди был большой пустырь. Тротуар терялся в серой высокой траве. Трава эта высыхает в начале августа и делается жесткой, как проволока. На ее скрученных листьях торчат иглы прямых колючек. Такие твердые, что из них можно делать булавки...

Владик не мог остановиться, ветер не слабел ни на секунду. Выпустить зонт? Он улетит за тридевять земель. А въехать ногами в колючки – уй-я-я!..

И у самой травы Владик подпрыгнул! Гораздо сильнее и выше, чем перед лужами.

Конечно, он сделал это просто с перепугу. Потому что какой прок? Несколько метров пролетишь, а потом врежешься в колючую чащу. Владик отчаянно поджал ноги. Его несло над жесткой травой, которая скрежетала и скрипела под ветром. Твердые верхушки щелкали Владика по сандалиям. Потом... Потом они перестали щелкать.

Они остались внизу!

Ветер поднимал зонт и Владика выше и выше!

Владик летел.

Что он думал и что чувствовал? Сразу трудно разобраться. Под зонтом будто оказалось сразу несколько Владиков.

Один мертво вцепился в гнутую ручку и стонал от страха: «Ой, а если вывернутся прутья? Ой, а если спикирую?»

Второй весело вопил и дрыгал ногами от счастья.

Третий озабоченно думал: «Лишь бы не слетели очки».

Четвертый зорко оглядывал горизонт и с тревогой размышлял: «А можно ли управлять полетом? И куда меня принесет?»

«В самом – деле куда?»

«Ой, как брякнушь сейчас!»

«Опять очки чинить...»

«А лететь-то как здорово! Ура-а-а!!»

Ура-то ура, но пустырь уже кончился. И не где-нибудь, а на обрывистом берегу. Дальше было море... Нет, все-таки «спасите наши души», а не «ура!»...

4

К счастью, это было пока не открытое море, а маленькая бухта. Называется она Крепостная. Потому что на правом берегу ее стоит старинный полукруглый форт – береговая крепость. Приземистая, сложенная из прочного желтоватого известняка. С двумя рядами квадратных амбразур и решетчатой башенкой маяка наверху.

Когда-то здесь жили морские артиллеристы, а в амбразуры выглядывали чугунные пушки. Это было во времена клипера «Кречет». А теперь здесь располагался клуб яхтсменов.

Владик разглядел с высоты причалы и яхты. Маленькие яхты стояли на берегу, и ветер сдирал с них брезентовые чехлы. Большие были ошвартованы у белых плавучих бочек. Их мотало на короткой крутой волне.

Владик все это увидел мельком. Его сейчас волновало другое: перелетит он на дальний берег или плюхнется посреди бухты?

Ой, кажется, плюхнется! Его пронесло над фортом, рядом с маячным фонарем, и стало плавно опускаться к верхушкам волн.

– Ой, мама... – печально сказал Владик. И опять поджал ноги.

Но маму звать и поджимать пятки было бесполезно.

Владик не отличался особой храбростью, но трусом и нытиком его тоже никто не считал. Он сердито запретил себе ударяться в панику и стал искать спасенья. Глянул вниз.

Там, прямо под Владиком, плясала среди гребней белая яхта с желтой палубой. Владика несло над ней по кругу. Все ниже и ниже.

«Лишь бы не отнесло», – подумал он. И попробовал управлять зонтом: качнул его, нагнул край – так, чтобы купол заскользил к палубе.

Зонт, кажется, послушался. Или ветер пожалел мальчишку. Так или иначе, Владик через полминуты спланировал на яхту и крепко стукнулся коленками о доски. Рядом с двумя озабоченными мужчинами и девушкой в штормовке. Владик сел.

– Ты откуда? – хмуро и без особого удивления спросил высокий мужчина. У него было худое коричневое лицо и светлая борода – она опоясывала щеки и подбородок от уха до уха.

– Оттуда, – сказал Владик и мотнул головой вверх.

– Я серьезно... – начал мужчина. Но Владика поволокло с зонтом по скользкой палубе.

– Да помогите же! – крикнул Владик. Он брякнулся так сильно, что было не до смущенья. – Мне же не закрыть его одному!

Мужчины и девушка подскочили. Подняли Владика. Ухватили зонт. Он щелкнул, сморщился, сложился.

– Ух, – тихонько выдохнул Владик.

– Откуда ты свалился?

– Я же говорю: ветром принесло, – объяснил Владик и, постанывая, сел на мокрую крышу низенькой рубки. Яхту швыряло вверх-вниз, и сидеть было неудобно. Владик очень устал. Весь. Больше всего устали руки: попробуйте-ка столько времени держаться за летящий зонт. Ноги тоже почему-то гудели. Наверно, от бесполезного болтанья в воздухе. И, конечно, от удара о палубу.

Владика не стали подробно расспрашивать. Прилетел и прилетел. Видимо, здесь у моряков была своя забота. Человек с бородкой только сказал:

– Выбрал место – куда прилететь...

А маленький смуглый мужчина вдруг спросил:

– Слушай, дорогой, а снова полететь можешь?

– Я? Не... не знаю, – опасливо сказал Владик – У меня и так все суставы, кажется, вдребезги. И руки не держат.

– Руки, суставы... – быстро заговорил смуглый. – Это что! Это мелочи? Мы скоро все вдребезги...

– Оставь ребенка, Зуриф, – сказала девушка. У нее были длинные желтые волосы, они мотались по ветру.

Бородатый тоже сказал:

– Оставь.

– Ах, «оставь»! Ну, оставлю... А что делать?

– А что случилось? – морщась, проговорил Владик.

– Что... – сумрачно сказал бородатый мужчина. – Не видел, что ли? Вон... – Задрав бороду, он показал на верхушку мачты.

Верхушка – очень белая на фоне облаков – летала туда-сюда. Словно кто-то писал в небе тонкой пластмассовой авторучкой. Там, у самого клотика, на ветру бился флажок. Желто-красный, как зонтик Владика. Только на нем были не зубцы, а косые полосы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.